

MakeSum

Другая реальность

Всё время по краю

Издательство АСТ
Москва

УДК 82-94
ББК 84стд1-442.3
М15

Фотографы:

Анна Жегалкина
Дарья Анфалова
Павел Шелковников
Александра Воробьева
Милена Семененко
Анастасия Шафран
Надежда Гурьева
Анастасия Кочеткова
Наталья Кожевникова
Арина Николаева

МакСим.

М15 Другая реальность. Всё время по краю / МакСим. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 208 с. [32 илл.]. — («MassCult»).

ISBN 978-5-17-174706-0

«За кулисами кабацкие музыканты, иллюзионисты, саксофонист и стриптизерши в стрингах решали мои задачки по геометрии. Спорили, искали верные ответы. Время от времени кто-то уходил на сцену, чтобы отыграть номер, но, вернувшись, снова включался в решение уравнений. Это было очень весело».

«Лежа в реанимации, я страдала от ... музыкального сопровождения. Отделение было наполнено звуками, которые издавали медицинские аппараты. Один из них, справа от меня, звучал, как игрушка-дуделка: «До-фа-оль-ля-си». Он мониторил работу сердца. Другой — слева — напоминал детское пианино и играл «до-ля-фа-ля-фа». Он сигнализировал о том, что ИВЛ не справляется. Эти два прибора не замолкали ни на минуту и постоянно диссонировали друг с другом, создавая неприятный интервал (большая или малая секунда)».

Книга, которую вы держите в руках — быть может, самое откровенное произведение из всех, что вам доводилось читать. И самое оптимистичное — певица МакСим показывает, как можно даже на самые сложные вещи смотреть с юмором, как можно выявлять главное даже по ту сторону жизни и смерти.

«Я думаю, что эта книга станет одной из ваших любимых не только как история известного и знакомого вам человека, но и как интереснейшее художественное произведение».

УДК 82-94
ББК 84стд1-442.3

ISBN 978-5-17-174706-0

© МакСим, текст, 2026.
© ООО «Издательство АСТ», 2026.

«Я снова здесь. Почему меня вернули сюда, на эту землю? Почему не дали мне умереть, когда я уже стояла на пороге?»

Я полулежала в кресле у окна, задумчиво рассматривала пейзаж снаружи и пыталась привести в порядок мысли, которые крутились в голове. Раньше все было проще — в любой непонятной ситуации на помощь всегда приходили стихи. Стоило только заглянуть внутрь себя, подумать — и они сами просились наружу, ложились ровными строчками на бумагу, подсказывали выход. Становилось легче.

Но это было раньше, в прошлой жизни. А сейчас я уже битых два часа пытаюсь выдавить из себя хоть одну внятную строчку.

«Задаюсь вопросом чаще... Задаюсь вопросом...»

Да, я все чаще задаюсь этим вопросом. Почему я здесь? А может, это вообще не я?

«Задаюсь вопросом чаще: может, я иллюзия чья-то?»

Так, надо это записать. Где там ручка? Сейчас возьму ручку. Что для этого надо сделать? Взять в руку, зажать пальцами... Черт, не получается. Да что ж такое-то! Почему даже мои собственные пальцы меня не слушаются, отказываются выполнять элементарные действия?

«Задаюсь вопросом чаще: может, я вообще не рядом? Может, я сама — неправда?»

Хорошо, давай попробуем так: ручкой я потом научусь пользоваться, а пока сделаю то, что проще — возьму диктофон и буду наговаривать все, что придет в голову.

«Я сама неправда».

К чему это? Ладно, идем дальше.

«Может, я сама неправда? Может, я иллюзия чья-то? Может быть, подарок с бантом? И откуда так нещадно тянет пеплом и золой?»

Пепел-то откуда взялся? К чему он вообще? Лезет в голову этот пепел, черт его возьми. И правда, ощущение, что пеплом пахнет. Откуда оно? Господи, я три часа бьюсь над одним-единственным четверостишьем и никак не могу передать мысль.

«Я иду и вдруг опускаю взгляд на свои ноги. И понимаю, что это я лечу по ветру, сгоревшая — вот откуда пахнет пеплом и золой»...

Нет, сегодня ничего не получится. Я не могу дописать до конца ни одной фразы. Начинаю — и на полпути забываю, что хотела сказать. Слова не складываются — хоть убей.

Что делать? Зачем вообще нужен автор, если он даже строчку на бумаге написать не может? Что со мной будет дальше?

С

тихи я писала всегда, сколько себя помню. Никто меня этому не учил, не объяснял, как и что надо делать для того, чтобы получился стих. Я очень долгое время была уверена, что стихи пишут все. Мне представлялось, что это такой естественный процесс организма, который каждому дан от природы. Мы же все умеем спать, есть, чихать или там зевать. Вот и стихи тоже все пишут, думала я, надо только немного подрасти, выучить несколько слов — и они сами собой в мозгу начнут в рифмы складываться. А там уже дальше каждый сам решает — показывать свои творения благодарной публике или оставлять их в своей голове, чтобы другие не увидели. Поэтому мы и не всегда в курсе чужих стихотворных опытов, но, так или иначе, писать стихи умеют все.

Вы даже не представляете себе, как я удивилась, когда выяснила, что это далеко не так. Просто шок был.

Как только я научилась писать, у меня по всем карманам были распиханы ручки и блокнотики, чтобы не упустить момент и записать все, что придет в голову. Помню, однажды, будучи уже взрослой, обнаружила, что при мне нет привычного блокнота, и слова песни «Мой рай» мне пришлось записывать маркером на полу номера в отеле.

Первую свою песню я написала лет в семь. Тогда все играли на гитарах, и я, естественно, тоже быстренько выучила пять аккордов и с помощью них играла все подряд: про Афганистан, про «там олень ходит замшевый, сопки в белом

снегу». Словом, исполняла весь репертуар, который тогда был в моде. Иногда пела свои песни, просто не говорила никому, кто их автор.

Очень хорошо помню свой шок, когда первый раз услышала собственную песню в чужом исполнении. Однажды возвращалась из школы вечером, уже темно было (мы тогда учились во вторую смену), и вдруг слышу, кто-то на гитаре бречит и поет. Прислушиваюсь — слова знакомые какие-то. И никак не пойму, что это за песня. В голове вертится. Я же ее знаю. А вспомнить не могу.

Чья же она?

И тут меня осенило: песня-то моя собственная. Парень, который ее пел, естественно, ни сном ни духом, что автор в этот момент шел мимо него, неся на тощей спине рюкзак с учебниками. Я не стала ему ничего говорить, к тому же не уверена, что он бы мне поверил, скорее всего, оборжал бы: «Ну да, конечно, и «Белые розы» тоже твоя песня!». Но это было вообще неважно в тот момент, потому что я уловила

для себя главное — мои песни нравятся людям. Я очень хорошо запомнила свое тогдашнее ощущение.

А потом я познакомилась с Алсу.

Однажды в наш класс пришла новая ученица. Едва взглянув на нее, я сразу поняла, что это мой человек, что с этой девочкой мы обязательно найдем общий язык.

Я всегда была очень отвязной, прямо вот с самого детства. Маме на меня еще в садике жаловались, что я слишком гиперактивная. У нас, говорят, в группе есть две бандитки, но одна хотя бы сама по себе шалости реализует — ломает что-нибудь, на стене нарисует, нахулиганит, но все в одиночку и не очень громко, а ваша мало того, что изобретает разные хулиганистые игры, еще и полгруппы подбивает участвовать в них, никакого спасу от нее нет. Однажды, помню, я чуть не лишила воспитателей рассудка. Придумала классную игру: вся группа должна была закопать меня в кубиках и построить поверх меня дом. И так я, закопанная, лежала тихо-тихо, воспитатели обыскались, нигде не могли меня найти. Уже всех детей разобрали по домам, а меня нет, как в воду канула. В общем, весело тогда только мне было, остальным не до смеха.

В школе я тоже жгла, но поначалу это было не от хорошей жизни, скажем так. Лет в 10 я поняла, что в своем классе я абсолютно чужеродный элемент, белая ворона, в коллектив категорически не вписываюсь. Жили мы тогда очень бедно. Окраина Казани, маленькая квартирнка, мама педагог, папа автомеханик, сами понимаете, денег лишних не было.

К тому же папа был из очень многодетной семьи, восьмой ребенок, и это обстоятельство давало мне огромное богатство в виде массы тетя и дядя, двоюродных и троюродных сестер, но финансово ситуацию не улучшало никоим образом.

С деньгами в самом начале постперестроечного периода у большинства было туго, но все-таки кое-кто уже начал расправлять плечи, ездить по заграницам, привозить оттуда жвачки, одежду и кроссовки, а у некоторых даже начали появляться видеомагнитофоны. В моем классе было предостаточно де-

тей, у которых все вышеперечисленное водилось, и на их фоне я смотрелась так же, как сейчас бы выглядела девочка с полиэтиленовым пакетом в гуще обладательниц брендовых сумок, за которыми надо два года в очереди стоять. То есть абсолютно не вписывалась в общую концепцию. И чтобы еще больше подчеркнуть свою непохожесть, одевалась как можно более вызывающе. У меня был свой оригинальный стиль: сумасшедшей расцветки шарфы, замысловатые прически, — в общем, я была заметна в толпе одноклассников.

Я все время была погружена внутрь себя, я там, внутри, чувствовала себя комфортно, мне было там, чем заняться, и было интереснее, чем снаружи. Я не стремилась общаться с одноклассниками, а они принимали мою замкнутость за высокомерие и непрерывно мстили мне за это, высмеивали и сбрасывали мой портфель со второго этажа. Я с ними дралась, дралась жестко и давала в нос каждому обидчику. Все, кто ржал надо мной, стабильно получали в ответ, но отношений между нами это не улучшало.

Мне даже в обществе дворовых псов было комфортнее, чем среди моих одноклассников. Я подкармливала их, а они за это изо всех сил дружили со мной, провожали в школу и встречали по дороге домой. Мама смеялась, что меня можно издалека было вычислить: сначала из-за поворота появлялась толпа собак, и только спустя некоторое время в центре этой группы нарисовывалась я. Однажды я вышла из дома, одетая в нежно-розовый плащ, перешитый из маминого. Подходя к школе, услышала писк, долго искала его источник и обнаружила в канализационном люке — маленький щенок застрял там и плакал. Я, не раздумывая, полезла его спасать, прямо как была, в розовом плаще. Ну и в таком виде потом в школу заявила — вся в грязи и пятнах. Меня это обстоятельство никак не смущало, главное, что щенок был спасен.

Как-то я услышала, как мои одноклассники обсуждают новую видеодвойку, которую кому-то из них папа из загранкомандировки привез. Я решила, что это хороший шанс

прибавить себе очков, дернула плечом и говорю: «Подумаешь! У нас дома тоже есть видеодвойка. Папа купил».

Ребята окинули внимательным взором мои заштопанные на коленках колготки и с ухмылкой спросили: «А ну-ка расскажи нам, что такое видеодвойка?». Они прекрасно понимали, конечно, что ничего такого в моем доме и близко не может водиться. Разумеется, пришлось ретироваться, объяснить, что такое видеодвойка, я не смогла, поскольку это чудо техники в глаза тогда не видела.

Эта история вызвала новый всплеск издевательств и новые драки, но постепенно от меня отстали, перестали меня трогать, и я могла спокойно писать свои стихи, не обращая внимания на стайки девочек, которые шушукались за моей спиной, обсуждая мой стиль одежды и мои безумные кудрявые рыжие волосы, которые торчали во все стороны, как у домовенка. Меня действительно это мало задевало. Какая разница, модно я одета или нет? Никогда не понимала этих массовых истерик вокруг трендов и до сих пор, признаться, не разделяю ажиотажа: как-то однажды, дав слабину и пойдя на поводу у моды, купила себе дорогущую сумку «Шанель», хожу с ней теперь и думаю: «И вот зачем она мне нужна?». Она маленькая, не больше ладошки, но я умудряюсь складывать туда все, что мне нужно — связку ключей, телефон, влажные салфетки. Эта сумка, набитая битком, путешествует со мной по гастролям. Госпожа Шанель, думаю, в гробу перевернулась бы, если бы увидела, как обращаются с ее творением.

В общем, так бы я и осталась среди сверстников белой вороной, если бы не случай. Мне удалось перейти в другую школу, и жизнь моя поменялась просто-таки кардинально.

Попасть туда было непросто, конкурс был какой-то невероятно огромный, но мне удалось прорваться.

Там был совершенно гениальный педагогический состав и интересный подход к учебе. Преподаватели разглядели в каждом из нас наши творческие способности и старались их развивать. Кто-то делал газеты, кто-то рисовал что-то, кто-то что-то писал, мы пели, танцевали, устраивали КВНы и конкурсы. Жизнь была ключом.

И вот туда я уже влилась моментально, стала там своей. И больше никто не считал меня «не от мира сего», потому что вокруг все такие были. Я все время была на сцене, на виду, в первых рядах и прямо расцвела.

И вот там, в той школе, я и встретила Алсу. Эта худенькая девочка с глазами на пол-лица была очень на меня похожа, даже шарфы у нее были таких же безумных расцветок, как мои. Мне иногда казалось, что она какая-то инопланетянка. Алсу (я ее очень быстро стала звать Альшу) тоже писала стихи. И какие это были стихи! Я не уставала изумляться тому, как она легко и изящно складывала слова в строчки. Сама я часто замахивалась на слишком сложные и витиеватые фразы, вкладывая в них глобальный смысл, но часто была недовольна результатом.

Надо сказать, что у меня никогда не было какой-то определенной формулы написания стихов, какой-то схемы

или метода, строчки ко мне просто приходили сами по себе. Я выуживала из всего разнообразия слов те, которые в данный момент были нужны, те, которые наиболее четко описывали мои эмоции, и эти слова сами укладывались в определенном порядке. Стихи витали в воздухе, только успевай записывать. Чем мы с Алсу и занимались.

Мы проводили вместе все свободное время, вместе писали песни, вместе опаздывали на уроки. Наказание за опоздание было жесточайшим — наша преподавательница говорила: «АлсуМарина (именно так и произносила, в одно слово, «Алсумарина», как будто мы были единым целым), если вы не хотите, чтобы я вам поставила «прогул» в журнал, рассказывайте наизусть любое стихотворение не из школьной программы». Прогул получать никто не хотел, расплачивались стихами, и таким образом каждое наше опоздание — а мы почти каждый день это делали — добавляло в наш репертуар еще один выученный стих. Мы обожали поэтов Серебряного века: Цветаеву, Ахматову, Есенина, Маяковского. Шпарили их наизусть.

Одноклассники очень приветствовали наши опоздания, потому что мы, уже зная, что нам грозит, прямо с порога начинали разыгрывать целые спектакли. Специально выбирали произведения подлиннее, чтобы можно было растянуть их на весь урок. «Ой, Вань, гляди, какие клоуны» на два голоса читали — весь класс вповалку валялся от смеха на партах, уже не до учебы никому, а мы только раскочегаривались. Или что-то серьезное заводили: «В 140 солнц закат пылал,

в июль катилось лето». Учительница улыбалась и прощала нам многое.

Еще мы развлекались тем, что вели переписку в стихах. Ничего такого высокопарного, просто «что вижу, то пою», только в рифму. А что делать? Болтать-то на уроках нельзя, а эмоции требуют выхода, вот мы и писали, передавали друг другу листочек, описывали все, что происходило кругом, упражнялись в остроумии. Чаще всего обсасывали кости педагогам, которые в тот момент читали нам лекции или вызывали кого-то к доске.

Однажды директор, который вел у нас физику, весь урок за нами наблюдал и в конце урока забрал у нас этот листочек. Мы аж за головы схватились в ужасе — костерили мы его там весьма жестко, даром что в рифму. Ну что со старшеклассниц взять!

«Я покажу это вашим родителям!» — строго сказал директор. «Умоляем, отдайте родителям, в детскую комнату милиции, куда угодно, только, пожалуйста, сами не читайте!», — просили мы. Он поступил благородно, родителям нашим ничего не отдал. А вот прочитал ли сам, для нас до сих пор загадка. Неудобно, конечно, получилось тогда...

Примерно в то время мы вместе написали песню «Сон». Альшу никогда не училась играть на фортепиано, но была настолько талантлива, что и без всякой музыкальной школы справлялась, просто садилась за инструмент и почти мгновенно на слух подбирала мелодию. Это был Божий дар. Она звучала как суперпрофессионал.

Я могла оценить ее талант в полной мере, поскольку сама, в отличие от Алсу, музыкальное образование получила.

Когда я первый раз увидела фортепиано, я поступила, как Алсушита. Просто села и начала на нем играть. Но лет мне тогда было совсем мало, и у меня почему-то ничего не получилось. Ну можете себе представить, что это за прекрасная музыка была, если я ни разу в жизни до этого к пианино близко не подходила. Но оторваться от клавиш не было никакой возможности, меня еле увели подальше от инструмента.

И с тех пор, где бы я ни встречала фортепиано, я тут же пыталась на нем играть. В моем детстве, как я уже говорила, мы жили совсем небогато и, конечно, никакого пианино позволить себе не могли. Но, видя мою безумную тягу к музыке, родители, скрепя сердце и затянув потуже пояса, отдали меня в музыкальную школу и приобрели старое подержанное фортепиано, на котором я и проучилась до самого окончания школы.

Потом, когда я уже жила в Москве, родители избавились от моего инструмента, просто дав объявление в Сети, мол, самовывоз, приходите-забирайте. Я чуть не расплакалась, узнав об этом. Я так хотела его оставить на память! Но, в конце концов, даже если это было и невозможно, если пианино им так мешало, ну написали бы что-то вроде: «На этом инструменте писала свои первые песни певица Максим». Продали бы его за хорошие деньги. А так просто отдали чужим людям ни за грош. Обидно!

Среди населения нашего района на окраине Казани как-то не особо было принято заниматься детьми. Работой занимались, пьянством занимались, рукоприкладством — тоже нередко. А вот воспитание детей в моде не было, считалось, что они нормально растут и сами по себе, бегают где-то — и ладно. К тому же, кружки и музыкальные школы стоили денег, не таких, конечно, как сейчас, но тоже немалых, и большинство семей просто не могли себе это позволить.

Наши родители, в отличие от остальных, старались дать нам с братом по максимуму. Брат (он старше меня